

Е Ж Е М Ъ С Я Ч Н Ы Й Ж У Р Н А Л Ъ

Алексѣй Михайловъ.

Осенній мотивъ.

Скоро осень золотая
Взлюбить шелесты синиць.
Скоро листья, умирая,
Упадутъ безшумно ниць.
И предчувствуя заранѣ
Трески въ лужахъ звонкихъ льдинъ,
Зажемчужатся въ туманѣ
Утромъ сѣтки паутины.
На ракичѣ чахлой, дальней,
И задоренъ, и далекъ,
За разрушенной купальней
Всполохнется крикъ сорокъ.
На ручѣ пропахнутъ листомъ
Зеркала стальной воды,
И въ саду прозрачно-чистомъ
Вдругъ зачокаютъ дрозды.
А задумчивый цикорій,
Въ рамкѣ сохнувшей канвы,
Довершить по склонамъ взгорій
Краски рѣдкія травы.

Алексѣй Михайловъ.

Сентябрьскій мотивъ.

(Утро).

Вихры косога шалаша
Въ саду отъ утренника бѣлы.
И листъ кой-гдѣ летитъ несмѣлый,
О вѣтки голыя шурша.
Хоть яблокъ въ шалашѣ и нѣтъ —
Углы антоновкою пахнутъ,
И дѣти днемъ навѣрно ахнутъ,
Тамъ мерзлый отыскавъ ранеть.
Идешь, и пробираетъ дрожь.
Но днемъ пригрѣетъ. Паутины,
Цѣпляясь, садутъ на равнины
Жнивье и молодую рожь, —
Настанетъ полдень, тепель, тихъ,
И у садовнической сторожки
Встолкнутся маленькія мошки,
Чтобъ пасть навѣки черезъ мигъ.

П. Радимовъ.

Природа.

Какъ тебя не любить мнѣ, природа, лю-
бовью
Съ каждымъ годомъ сильнѣе въ груди!
Нѣтъ конца вплоть до смерти моему сла-
вословью.
Сколько пѣсенъ сложу я о тебѣ впереди!
Вѣдь единое нужно душѣ на потребу:
Золотистое поле, синѣющій лѣсъ.
Ахъ, какъ малый ребенокъ, удивляюсь я
небу,
Голубому престолу свѣтозарныхъ чудесъ!

П. Березинъ.

Я смотрю, какъ въ небѣ таютъ,
Набѣгаютъ, убѣгаютъ,
Какъ свободныя играютъ
Въ синемъ небѣ облака.
А на сердцѣ проклятая,
Какъ сама зима лютая,
Неотвязная и злая
Залегла змѣя тоска.
Я однажды въ часъ полденный
На дорогѣ запыленной,
Истомленный, изможденный
Молодой цвѣтокъ нашель.
И въ безумномъ состраданьи
Я почувствовалъ желанье
Возвратить ему дыханье,
Чтобы снова онъ расцвѣлъ.
И къ своей груди мятежной
Приложилъ цвѣтокъ я нѣжный,
Ароматный, бѣлоснѣжный,
Молодой цвѣтокъ больной.
Онъ щипами въ грудь вонзился,
Крови досыта наполнился,
Снова ожилъ, возродился
И.. простился онъ со мной.
И теперь въ зеленомъ полѣ
Въ полной нѣгѣ, въ полной холѣ,
Онъ живетъ на полной волѣ
Пересаженный цвѣтокъ.
Ноетъ грудь моя больная,
Точитъ сердце дума злая
.....
Въ небѣ тучка золотая
Убѣгаетъ на востокъ.

Юрій Верховскій.

Снѣгъ разстилаетъ тишину
Съ однообразіемъ покоя.
Но снѣжной ночью — что такое
Мнѣ не даетъ предаться сну?

Не тишины — хочу я звука,
Широкаго, какъ тишина;
Хочу, чтобъ радость или мука
Была ясна, полна, слышна.

О, еслибы морскіе плески
Въ любовномъ слухѣ отдались!
Вотъ — слышу: полнозвучны, вѣски . . .
Мгновеніе, продлись, продлись!

Оно продлилось: та же нѣга
Послышалась въ волнѣ стиха . . .
Но снова ночь бѣла, тиха —
И сыплеть, сыплеть хлопья снѣга.

Юрій Верховскій.

Какъ ты привыкъ къ плохимъ обоямъ
Убогой комнаты своей,
Но, лихорадкой безпокою,
Увидишь въ нихъ проклятымъ роємъ
Драконовъ, мандрагоръ, чертей. —
Такъ, приглядысь къ толпѣ людей,
Одной и той же разъ за разомъ,
Болѣзненно-раскрытымъ глазомъ, —
Увидишь въ нихъ яснѣй, яснѣй
Потокъ цвѣтовъ, чертей, звѣрей —
И возопишь, и содрогнешься,
Но отъ него не отвернешься —
И вдругъ постигнешь, что твое
Съ нимъ неразрывно бытіе.

Юрій Верховскій.

ПОСЛѢ ЧТЕНІЯ.

Ты пособить всегда готовъ
Своей узывчивою рѣчью
Строкамъ исписанныхъ листовъ
И моему простосердечью.
Гдѣ я хотѣлъ бы сопрягать
Существенность съ неуловимымъ,
Мнѣ драгоцѣнна благодать
Тобою быть путеводимымъ.
Не мнѣ гадать, куда приду;
Но утѣшительно съ обрыва
Въ твоемъ мечтательномъ саду
Живую даль почуютъ живо.

Филаретъ Черновъ.

Я живу наканунѣ послѣдняго дня, —
Судный день ожидаетъ меня.

Судія — моя Смерть; наказанье — тюрьма—
Беспросвѣтно-могильная тьма.

Оправданія нѣтъ, и смягченія нѣтъ, —
Преступленье мое, что родился на свѣтъ.

Филаретъ Черновъ.

БОГЪ.

Тебя я въ дѣтствѣ любилъ бездумномъ,
Тебя я, какъ чудную сказку, любилъ.
Въ сердцѣ ребяческомъ, еще неразумномъ,
Ты свѣтлый, блаженный и близкій жилъ.

Когда засыпалъ я въ свѣтлой кроваткѣ,
Я вѣрилъ, что ангель слетитъ ко мнѣ:
И были сны мои сказочно-сладки, —
Я рай небесный видѣлъ во снѣ.

Когда просыпался я, озаренный
Сіяньемъ утра, сіяньемъ сновъ,
Тебѣ молился я, въ Тебя влюбленный,
Молился счастьемъ моимъ, безъ словъ . . .

Мужало сердце... Сталъ разумъ мыслить...
Въ мерцаньи думъ тускилѣ Твой ликъ . . .
Хотѣлъ понять я, умомъ расчислить
Тебя и вѣчность, и каждый мигъ . . .

И напряженно я мыслить . . . жадный,
Мой разумъ въ книгахъ искалъ путей:
Въ моей коморкѣ огонь лампадный
Встрѣчалъ побѣги дневныхъ лучей . . .

Чѣмъ больше разумъ мой рылся въ книгахъ,
Тѣмъ безнадежнѣй вопросы шли . . .
Ты живъ былъ въ дѣтскихъ мечтахъ и ми-
гахъ,
И умеръ въ мысляхъ . . . въ земной пыли . . .

Сергій Есенинъ.

Въ томъ краю гдѣ желтая крапива
И сухой плетень,
Приютились къ вербамъ сиротливо
Избы деревень.
Тамъ, въ поляхъ, за синей гущей лога,
Въ зелени озеръ,
Пролегла песчаная дорога
До сибирскихъ горъ.
Затерялась Русь въ Мордвѣ и Чуди,
Ни почемъ ей страхъ.
И идутъ по той дорогѣ люди,
Люди въ кандалахъ.
Всѣ они убійцы или воры,
Какъ судилъ имъ рокъ.
Полубилъ я грустные ихъ взоры
Съ впадинами шекъ.
Много зла отъ радости въ убійцахъ,
Ихъ сердца просты.
Но кривятся въ почернѣлыхъ лицахъ
Голубые рты.
Я одну мечту, скрывая, нѣжу,
Что я сердцемъ чистъ.
Но и я кого нибудь зарѣжу
Подъ осенній свистъ.

И меня по вѣтряному свѣю,
 По тому-ль песку,
 Поведуть съ веревкою на шею
 Полюбить тоску.
 И когда съ улыбкой мимоходомъ
 Распрямяю я грудь.
 Языкомъ залижетъ непогода
 Прожитой мой путь.

Сергій Есенинъ.

* * *

Опять раскинулся узорно
 Надъ бѣлымъ полемъ багрянецъ,
 И заливаётся задорно
 Нижегородскій бубенецъ.

Подъ затуманеную дымкой
 Ты кажешь дѣвичью красу,
 И треплетъ вѣтеръ подъ косынку
 Рыжеволосую косу.

Дуга, раскальваясь, пляшетъ,
 То выныряя, то пропавъ.
 Не заворожить, не обмашетъ
 Тамъ синь и полымя возушнѣй,

Уже давно мнѣ стала сниться
 Полей малиновая ширь,
 Тебѣ высокая свѣтлица,
 А мнѣ далекій монастырь.

Тамъ синь и полымя воздушнѣй,
 И легкодымнѣй пелена.
 Я буду ласковый послушникъ,
 А ты разгульная жена.

И знаю я: мы оба станемъ
 Грустить въ упругой тишинѣ,
 Я по тебѣ въ глухомъ туманѣ,
 А ты заплачешь обо мнѣ.

Но, и познавъ, я не приѣмлю
 Ни тихихъ ласкъ, ни глубины,
 Глаза, увидѣвши землю,
 Въ иную землю влюблены.

Филаретъ Черновъ.

БОГОМОЛКА.

Притомились мои ноженьки, —
 Не помога посошокъ:
 Дай-кось сяду у дороженьки, —
 Передыху дамъ часокъ.

Охъ, высоко солнце знойное!
 Охъ, далече мнѣ идти!
 Безпокоить рана гнойная, —
 Понатерлась на пути.

Вся до кости пропылилась я, —
 Шла . . . бюла объѣтъ въ постѣ . . .
 У угодничковъ молилась я, —
 Потрудилась во Христѣ.

Тѣлесами вся измаялась,
 Охъ! . . . да душенька легка:
 Со слезьми въ грѣхахъ покаялась, —
 Спала лютая тоска . . .

Николай Клюевъ.

СМЕРТЬ ДѢДА.

Подъ низкой тучей вороній грай,
 За тучей брезжить Господній рай.
 Вороньи пени на горній свѣтъ
 Подъ образами прослышалъ дѣдъ.
 Онъ въ бѣлой скрутѣ, суровъ проборъ,
 Во взорѣ просинь и рябь озеръ . . .
 Не каркай, воронъ, тебѣ на снѣдъ
 Рѣчное юдо притащить сътъ!
 Подѣлятъ внуки счастливый ловъ,
 Глазастыхъ торпицъ, язей, сиговъ . . .
 Земля погоста притинъ отъ бурь —
 Душа, какъ рыба, всплеснетъ въ лазурь.
 Не будетъ дѣда, но будетъ сказъ,
 Какъ звонъ кувшинокъ въ лебяжіей часъ,
 Когда въ просонки и въ хмару водъ
 Влюбленный хлебокъ подругъ ведетъ . . .
 Дырявъ и хлябокъ небесный платъ,
 Лѣснымъ гарищемъ чадить закатъ.
 Изба, какъ верша . . . Лучу во слѣдъ
 Въ то-свѣтннй сумракъ отходитъ дѣдъ.

А. Жолткевичъ.

Сырой туманъ надъ стихшею равниной —
 — Холодный потъ очнувшейся земли!...
 Закрылось Небо. Поблѣднѣло Небо.
 И тьмы подъ землю глубоко ушли...

Холодный потъ окутываетъ землю: —
 — Она одна передъ лицомъ людей!
 Вотъ образъ Божій кровью истекаетъ . . .
 Воскреснетъ Онъ? Иль нѣтъ уже путей?

Онъ живъ! Онъ тутъ! Смотрите въ эти очи
 Солдатиковъ шагающихъ «туда»!
 Мильонъ очей! Вотъ — Небо этой ночи —
 — Глаза за мѣръ идущаго Христа! . . .

А. Жолткевичъ.

«А кто же дни и ночи
 «Смотрѣлъ, какъ шли они?
 «Смотрѣлъ, что было мочи
 «Всѣ эти ночи, дни? . . .»